

Дерзавс
СМОЛА

Бертраис
СМОЛА

Дикарка
Жасмин

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
С51

Серия «Гарем Бертрис Смолл»

Bertrice Small

WILD JASMINE

Перевод с английского *А.А. Соколова*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения издательства Ballantine Books,
an imprint of The Random House Publishing Group,
a division of Random House, Inc.
и литературного агентства Nova Littera.

Смолл, Бертрис.

С51 Дикарка Жасмин : [роман] / Бертрис Смолл ; [пер. с англ. А.А. Соколова]. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 448 с. — (Гарем Бертрис Смолл).

ISBN 978-5-17-099022-1

Небо определило Жасмин, восхитительной, как экзотический цветок, дочери Великого Могола и пленной английской аристократки, странную судьбу. Приключения приводили красавицу в разные страны, опасности окружали ее, но самым невероятным и прекрасным приключением девушки стала любовь — пылкая, страстная, пламенная любовь мужественного, неукротимого ирландца Рори Магуайра...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Bertrice Small, 1996
© Перевод. А.А. Соколов, 1994
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-099022-1

Пролог ИНДИЯ

Февраль 1591 года

Он не мог оторваться от окна башни, но смотреть было не на что. Дорога, ведущая к побережью, простиралась в бесконечность — караван исчез. Не осталось даже легчайших клубов сероватой пыли над горизонтом, обозначающей его движение. Он не знал, сколько простоял так у окна. Серые рассветные сумерки сменились жарким ослепительно желтым светом дня. В кронах деревьев вокруг дворца загудели и запели насекомые — явный признак теплой погоды, — а ему было все же холодно.

Он почувствовал влагу на лице и, потрогав его рукой, понял, что беззвучно плачет. А ведь он не плакал с детства, когда был совсем маленьким. Слезы не были в его характере — человека доброго и мягкого. Он пристально посмотрел на свидетельство своего горя, тускло мерцающее на кончиках пальцев. Потом потер непереносимо ноющую грудь. Его глаза снова скользнули по дороге, убегаящей в переменчивом свете, и ничего не различили. Она уехала.

Эта мысль тяжело билась в голове Акбара, Великого Могола Индии. Он отвернулся от окна и опустил на длинную кушетку без ручек, покрытую парчовой накидкой в красную и темно-синюю полоску — единственная мебель в его маленькой комнате. Он онемел от боли величайшей потери. Кандра. Его прекрасная и самая любимая молодая жена. Оторванная от него злым поворотом судьбы. Боль в груди становилась сильнее и острее, и Акбар не знал, сможет ли ее пережить. Кандра, Кандра, Кандра... Ее имя стучало в мозгу, все вокруг кружилось.

Когда он пришел в себя, уже опять наступила ночь. Лунный свет посеребрил комнату, где он оставался в разрывающем душу уединении. Рот пересох, и, несмотря на жару, стоя-

щую в это время года, он сильно мерз. Великий Могол попытался привести себя в порядок. Кандра, его английская роза, уехала. А дочь Ясаман как будто никогда и не существовала. От жуткой мысли он передернул плечами. Кандра была реальной — теплой и трепетной, — жила всеми радостями жизни. Быть может, потому что была так молода? Но нет, дело не только в этом.

Английская девочка, которую пленницей привез ему Португалец, была умной и смелой. Ей было трудно примириться с мыслью, что она так далеко от родины и никогда ее больше не увидит. Однако она сумела это сделать, а сумев, согласилась жить с ним. Он любил ее, любил до сих пор и верил, что и она полюбила его. Она сказала, что полюбила, а Кандра была не из тех женщин, что скрывают свои чувства.

Теплый ночной ветер принес в его комнату запах жасмина, и Акбар глубоко вздохнул, как будто от боли. Жасмин, Ясаман на индийском наречии, был любимым цветком Кандры. Его именем она даже назвала ребенка. Их ребенка! Что с ней станет?

Когда дядя Кандры, священник, прибыл, чтобы вернуть ее домой, Акбар вынужден был отдать любимую женщину семье, другому мужу, который, он думал, был мертв, но каким-то чудом уцелел и горел желанием вновь обрести жену. У него не было другого выхода, как отослать Кандру обратно, но он не позволил ей взять с собой ребенка, потому что был старше и мудрее ее. В семье Кандры Ясаман сочли бы незаконнорожденной, и Бог знает, что может случиться с девочкой. А здесь, с отцом, она вырастет принцессой из королевской семьи Моголов, потому что она ею и была. Она будет счастлива и любима. Акбар знал, что мир Кандры не может гарантировать будущего его младшей дочери. Кандра не хотела оставлять ребенка, и Акбар был вынужден опоить жену дурманящим средством. Но она это поняла, в полузабытьи сползла с кровати, где они вместе лежали, и доползла до колыбельки девочки. Неотрывно и долго смотрела на дочь, а потом подняла прекрасные изумрудно-зеленые глаза и еле слышно проговорила: «За это я тебя никогда не прощу». Ему было больно, он едва не уступил, если бы не сознавал, что эти слова — от безысходности судьбы.

«Помни, я тебя люблю, — ответил он ей. — Моя любовь не кончится никогда».

«И я, да поможет мне Бог, люблю тебя, мой господин Акбар, — прошептала она. — Не забывай меня».

«Никогда, — в тот миг он выдохнул это слово и сейчас с силой повторил его. — Никогда, моя любовь, моя прекрасная английская роза. Я никогда тебя не забуду!»

Если колесо любви привести в действие, для нее не существует никаких законов. Слова любви, сама любовь была с ним, ни времени, ни расстояния — ничего не было между ними. И теперь он слышал последнее прощай Кандры, перед тем как

она погрузилась в наркотическую дремоту. Спящую, он сжимал ее в объятиях, прежде чем расстаться. И теперь, когда воспоминания об этой минуте так живо пришли на память, Акбар вновь почувствовал стеснение в груди и пронзительную боль в голове, лишившую его сознания.

— Акбар! Акбар! Открой дверь! — Яростный стук разбудил его, и, неуверенно поднявшись на ноги, он увидел, что снова день. Но который день? Он вспомнил боль, но не представлял, сколько времени пролежал сраженный. Кто-то звал его? Или это игра болезненного воображения? До странности неловкими пальцами он отпер и растворил дверь.

— Сын!

Пораженный, он узнал мать. Что она здесь делает? Ведь она не живет во дворце.

— Сын! — Хамила Бану Бегум*, а для ближних Мариам Макани, была худощавой, изящной женщиной. Годы ее пощадил, хотя жизнь, особенно в юности, была не всегда легкой. Темные в девичестве волосы с годами тронула седина. Только одна прядь черного дерева, как дорога, пролегла посередине головы. На миниатюрном лице было немного морщин, в темных глазах сквозила мысль. Сейчас в ее глазах стояли слезы сочувствия. Хотя Акбар и был самым влиятельным правителем Востока, для нее он прежде всего оставался сыном. И его горе было ее горем.

— Мать! Почему ты пришла? — спросил он мягко.

— Твои жены Ругайя Бегум и Иодх Баи послали за мной. Они рассказали мне об участии Кандры. Я горюю с тобой, сын. — Добрая рука Мариам Макани потянулась к его лицу. Она погладила его и вздохнула. Акбар был без тюрбана, и его длинные волосы рассыпались по плечам. Когда она видела сына в последний раз, они отливали черным, а сейчас, как и борода, были белы, как снег.

— Тебе совсем не обязательно было приезжать, мама, — заметил он. — Я знаю, как ты не любишь дорогу.

— Акбар, сын мой, — тихо ответила она, — а ты знаешь, сколько времени пробыл в этой комнате? Караван Кандры отправился четыре утра назад. — Пораженный, он взглянул на мать, а она продолжала: — Жены уважают твою горе, но Ругайя Бегум и Иодх Баи испугались, когда ты не ответил на их зов. Они не осмелились выломать дверь и решили послать за мной. В прошлом ты много горевал, но всегда на виду у тех, кто тебя любит. А в этот раз заперся один. Они не знали, что и подумать. К тому же нам не хотелось, чтобы у моего дорогого внука Салима сложилось о твоей печали ложное представление. Ведь он так

---

* Дочь мусульманского военачальника в Синде, на которой женился Хумаюн, отец Акбара. Ей было тогда 14 лет. Акбар родился в 1542 г. — *Примеч. ред.*

быстро делает выводы. — Ее глаза светились теплотой. Акбар не был удивлен:

— Ты права, мама. Салим очень прыток и использует любой предлог, чтобы занять эту половину дворца. Но ему не удастся. Он не станет правителем, я пока не умер.

— Я не это хотела сказать... — начала изумленная Мариам Макани, но Акбар перебил ее:

— Мой наследник таков, каков он есть. Порывистый. Нетерпеливый. Жаждающий занять мое место. Это правда, и мы оба это знаем. Даже если ты не признаешь открыто. Салим льнет к тебе, как он делал это всегда. А ты в нем души не чаешь, как и во мне. Ты ведь, мама, с юности была равнодушна ко всем мужчинам-Моголам.

Мариам Макани усмехнулась, но тут же снова посерьезнела:

— А что станет с нежнейшей из моих внучат? С Ясаман?

— Я отдал ее на воспитание Ругайе Бегум, — ответил он. — Она мечтала иметь от меня ребенка все годы нашего брака. Она моя первая жена, но я ничего не мог сделать, потому что она бесплодна. Она была подружкой Кандры и с самого рождения полюбила Ясаман. Она будет хорошей матерью принцессе.

Согласная с его решением, Мариам Макани наклонила голову:

— А моя внучка будет, когда подрастет, считать Ругайю Бегум своей настоящей матерью? — спросила она. Акбар покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Важно, чтобы Ясаман знала, откуда родом. Англичане скоро начнут торговать с Индией.

— Ай-ай-ай! — воскликнула мать, коротко ударив себя в грудь. — Тебе недостаточно на нашей земле прежней чумы — заносчивых португальцев. Хочешь впустить сюда других варваров?

— Португальцы сделались заносчивы из-за моей доброты, — возразил матери Акбар. — Некоторые ведут себя как завоеватели, а я терплю. Пусть англичане приходят в Индию. И тогда вместо того, чтобы доставлять неприятности нам, они, борясь здесь за превосходство, будут доставлять неприятности друг другу. Кандра говорила, что англичане — справедливые, честные люди. — Он похлопал мать по руке. — Просто ты не любишь иностранцев и их привычки. Признайся в этом, ведь у тебя нет других недостатков.

— Мое недоверие к чужеземцам и их привычкам вовсе не изъян в характере, — резко ответила она сыну и, слегка стукнув его указательным пальцем по щеке, добавила: — Не вздумай меня критиковать, Акбар. Ты всю жизнь искал правду и успел позабыть, что гласит Святой Коран: рай покоится у ног матери.

А теперь перестань горевать об английской жене, выходи отсюда — тебе надо управлять своими владениями. Ты —

Акбар, Великий Могол, а не влюбленный мальчишка, которому первый же его роман разбил сердце. Иди и подбери свой тюрбан. Он свалился с твоей головы. А волосы у тебя, сын, поседел от горя. Ты ведь никого не хочешь этим напугать?

— Я сбрею их, — отозвался он, — в доказательство своей печали по Кандре.

— И усы тоже, — кивнула она. — Я сама пойду и принесу бритву и воду. Никто не должен этого видеть, сын мой. — Мариам Макани повернулась. Шелка ее одежд цвета сливы грациозно обвилились вокруг тела.

— Принеси одежду, мне надо переодеться, мама, — бросил он ей вслед. Затем вернулся в комнату, чтобы в последний раз посмотреть в окно. День был ясным и жарким, как и четыре утра назад, когда его возлюбленную оторвали от него. На дороге вдоль побережья — ни души, и все тот же гул насекомых в деревьях вокруг дворца. Акбар вздохнул. Кандра уехала. Он никогда не увидит ее прекрасного лица, не будет любить ее совершенное тело. Ему остались только воспоминания. Воспоминания и их дочь Ясаман. Злой рок не позволил ему оправдать ожиданий Кандры — он не сумел изменить ее судьбу. Но с Ясаман будет иначе. Девочка — это все, что осталось от их короткой, но замечательной любви. Нет, нет, с Ясаман все будет иначе.

Часть 1 ЯСАМАН

ИНДИЯ
1597–1605

1

Смех со звонкими шаловливыми нотками донесся от высоких кустов орхидей, грациозно парящих в послеполуденном весеннем воздухе.

— Моя принцесса! Ты где? — Главный евнух Ясаман Камы из слуг Бегум беспокойно шел через сады Великого Могола. — Куда подевался этот бесенок Азраила*? — напыщенно бормотал он, потом остановился и прислушался, но лишь шумный птичий щебет донесся до его настороженного слуха.

— Адали! Ты еще не нашел Ясаман? — нетерпеливо окликнула его Ругайя Бегум с открытого балкона во дворце принцессы.

— Нет, госпожа, но найду, — отвечал евнух и тут снова услышал хохот ребенка. В его карих глазах появилась хитреца, и он закричал льстивым голосом: — Я тебя слышу, принцесса. Иди к Адали, и он даст тебе твои любимые цукаты. — И вновь никакого ответа, лишь гомон птиц.

— Адали! Скоро здесь будет Мариам Макани. — Ругайя Бегум начала нервничать. Теперь она стояла в галерее с колоннами, выходявшей прямо в сады. Бабушка Ясаман была самой высокопоставленной дамой в королевстве, и никто не посмел бы заставить ее ждать, когда она приходила с визитом. Ругайя Бегум тяжело вздохнула: Ясаман — шаловливый ребенок, но зачем сегодня ей надо всех мучить?

— Ты взволнована, тетя.

Ругайя Бегум подскочила, испуганная голосом принца Салима.

— Салим! О Аллах! А твоя бабушка уже здесь? — Ее лицо искажилось, словно от боли.

— Бабушка собирается сюда? Сегодня? Я не знал, — ответил принц. — Нет, со мной ее нет. А отчего ты так взволнована?

— Мариам Макани вот-вот будет здесь, — ответила Ругайя Бегум, — а твоя маленькая сестренка решила поиграть с нами в одну из своих игр. Адали не может ее найти. Она прячется от нас в садах и ни за что не выйдет!

Принц Салим снисходительно хмыкнул:

— Сейчас я ее выволоку, — и направился по ступеням из колоннады в сад. — Ясаман, сладость моя, ты где? — позвал он нежным голосом.

— Салим? Это ты? — откликнулся голос сестры.

— Это я, моя обожаемая. Выходи! С минуты на минуту придет бабушка. А ты знаешь, как она не любит, когда ее заставляют ждать. — Его взгляд скользил по зелени, стараясь уловить какое-нибудь движение, которое выдало бы девочку.

— А ты меня найди! — игриво подтрунивала она над ним.

Он рассмеялся. Разве можно было представить шесть лет назад, когда родилась Ясаман, что он, тогда уже взрослый мужчина, так очаруется этим маленьким человечком. Его собственные дети никогда его так не трогали. А эту девочку, сводную сестру, он обожал.

— Ну хорошо, противная обезьянка. Сейчас я тебя найду. И уж тогда нашлепаю твой маленький задик, чтобы больше меня уважала, — пригрозил принц.

В ответ Ясаман прыснула.

Салим оглянулся на тетю и заметил, что она нервничает еще больше. Времени для нежностей, судя по всему, не осталось. Он внимательно осмотрел сад и вскоре заметил клочок красной кисеи посреди Королевских Корон. Он тихо подкрался и с громким криком кинулся на притаившуюся жертву. С возгласом удивления она вывернулась у него из рук, темные волосы летели и металась за ней. Но Салим был быстрее. Он снова поймал сестру, поднял ее и понес, яростно отбивающуюся, туда, где ждала Ругайя Бегум. Крепкий, но нежный шлепок по миниатюрным ягодицам девочки на время ее успокоил.

— Вот ваша дочь, тетя. — Салим поставил на землю босоногую сестру, но продолжал держать руку на ее голове.

— Спасибо, Салим, — поблагодарила Ругайя Бегум. — Ты останешься подкрепиться с нами, когда придет бабушка? Она будет рада застать тебя здесь.

— Спасибо за приглашение, тетя, — поблагодарил он. — Я останусь.

— А как ты меня нашел? Ведь Адали не смог? — спросила Ясаман, глядя снизу вверх на брата бирюзовыми глазами, в которых горело любопытство.

— Я внимательно оглядел сад, обезьянка, и заметил край твоей юбки, — ответил он с улыбкой превосходства. — Среди желтых Королевских Корон трепетал лоскуток ярко-красного.

— У Адали глаза не так остры, как твои, братец, — заметила Ясаман, когда евнух, шумно отдуваясь, подошел к ним.

— Я отведу ее к Торамалли и Рохане, чтобы ее приготовили, — сказал Адали Ругайе Бегум, беря маленькую ручку Ясаман в свою. — Какая ты непослушная, принцесса, — журил он юную госпожу по дороге во дворец.

— Все время быть хорошей так скучно, Адали, — отвечала ему девочка.

Ее откровенность вызвала улыбки на лицах и Ругайи Бегум, и принца Салима.

— Правда ведь, она доставляет вам много радости, тетя, — заметил молодой человек.

— В ней вся моя душа, — спокойно ответила Ругайя Бегум. — Даже если я на нее сержусь. Я задаю себе вопрос, часто ли думает о ней Кандра?

— Может быть, и часто, — предположил принц. Он почти не знал молодую англичанку — жену отца. Слишком короткое время она была с ними. — А может быть, и не думает вовсе. Ведь она вернулась к другому мужу, и у нее наверняка другие дети. И те дети, и заботы о них отвлекли ее мысли от Ясаман.

— Как может женщина забыть своего первенца? — возмущенно спросила Ругайя. — Не поверю, чтобы Кандра перестала думать о дочери. Она не из тех женщин.

Принц пожал плечами:

— Разве она написала хоть одно письмо за те почти шесть лет, что уехала отсюда? Ей что же, не интересно узнать, как живет ее ребенок?

— Так было условлено, — терпеливо объяснила Ругайя. — Чтобы ей не было слишком больно.

Салим снова пожал плечами:

— Отец был прав, не отпустив Ясаман. Здесь она в безопасности и любима всеми, кто ее знает. В той чужой земле было бы не так.

— Как ты можешь это знать наверняка? — возразила Ругайя Бегум, инстинктивно в глубине души стараясь защитить мать девочки. Хотя и разделенная многими годами, Кандра оставалась ее подругой.

Прежде чем принц сумел ответить, вошел слуга и объявил:

— Свита королевы-матери приближается, милостивая госпожа.

— Пошли за принцессой Ясаман, — распорядилась Ругайя. — Она должна приветствовать здесь Мариам Макани.

— Уже сделано, милостивая госпожа, — ответил слуга с оттенком самодовольства.

— Твое прилежание и предусмотрительность, Али, достойны похвалы, — сухо заметила Ругайя Бегум, отсылая слугу.

— Мама Бегум! Мама Бегум! — Ясаман, пританцовывая, выбежала в галерею. Ее ярко-красную юбку сменили на кисейную небесно-голубую с золотыми пятнышками в виде монет. По подолу она была оторочена золотой лентой. Блузка с короткими рукавами расшита золотом, а скромный вырез у шеи, казалось, не вызался с широкой полосой открытого тела между нижним краем и поясом юбки. К юбке были подобраны и туфли, надетые на узкие, изящные ступни девочки. Черные как смоль волосы зачесаны назад и заплетены в одну длинную косу. Руку Ясаман украшал маленький браслет с розовыми бриллиантами, такие же бриллианты красовались в мочках ее ушей. Удивительные голубые глаза были подведены, отчего, казалось, сияли еще ярче.

— Мама Бегум! — настойчиво повторила Ясаман в третий раз, а когда привлекла внимание Ругайи, победно улыбнулась. Сложив руки ладонями вместе, она очаровательно склонила голову и спросила: — Как ты думаешь, старая королева, моя бабушка, будет мной довольна?

— Думаю, что да, — уверила Ругайя Бегум ребенка, — но ты, моя маленькая, не должна называть Мариам Макани «старой королевой». Твоя бабушка — знатнейшая дама в нашем краю.

— Тетя, а зачем ей подвели глаза? — неожиданно спросил Салим. Ему показалось, что так она выглядит старше своих шести лет. Впервые в маленькой сестренке он вдруг увидел женщину, и открытие поразило его.

— Сегодня особый случай, Салим, — ответила Ругайя Бегум с улыбкой.

— Не уверен, что мне так нравится, — продолжал принц. — Она похожа на танцовщицу.

— Салим! — воскликнула шокированная Ругайя Бегум.

— А кто такая танцовщица? — подхватила Ясаман.

— Красивая девушка, которая танцует, — быстро ответила мать. — Но ты не танцовщица, ты — принцесса. Салим! Немедленно извинись перед сестрой. — Темные глаза Ругайи зло сверкнули на старшего сына и наследника мужа. Ведь танцовщицы зачастую были проститутками. И то, что Салим мог при сестре сказать это слово, расстроило Ругайю Бегум.

— Извините, тетя, я никого не хотел обидеть. Просто неудачно выразился, стараясь объяснить, что мне не нравится в наружности Ясаман. Мне следовало сказать, что красавица не подходит для шестилетней девочки. — Принц

взял руки Ругайи в свои и коснулся их лбом, демонстрируя послушание.

— Мне уже шесть с половиной, — прикрикнула на брата Ясаман, и выражение ее лица так походило на Акбара, что и Салим, и Ругайя Бегум не смогли удержаться от смеха.

— Приятно входить в дом, где так хорошо смеются, — слышался сильный приятный голос, и в сад вступила улыбающаяся королева-мать.

— Бабушка! — Ясаман бросилась к пожилой даме и, обвив ручонками шею Мариам Макани, поцеловала ее в щеку.

— Дай-ка мне на тебя посмотреть! Дай-ка посмотреть, — произнесла бабушка, освобождаясь от обнимающих ее рук.

Ясаман грациозно повернулась.

— Ну конечно, — подметила Мариам Макани, — с тех пор как я была здесь в последний раз, ты вытянулась. А ты хорошо учишься, моя девочка? Твой отец хочет, чтобы его дети не росли неучами. Он дал образование не только твоим братьям, но и старшей сестре.

— Да, бабушка, я хорошо учусь, — заверила Ясаман. — Я могу считать. Изучаю историю нашего народа, французский, португальский и английский, который, как мне сказали, был языком Кандры Бегум.

— А кого, девочка, твой отец выбрал тебе в учителя? — Темные глаза Мариам Макани светились любопытством.

— Священника, бабушка. Его зовут отец Куллен Батлер. Он такой забавный — не то что тот мрачный старый отец Ксавье и другие священники. Отец Куллен смеется над обезьянкой Баба и ее проказами. Он приносит ей даже угощение и не называет отродьем дьявола, как отец Ксавье. Баба съела его четки, — прошептала Ясаман доверительно. — Он целый день не мог прийти в себя.

— Не люблю я этих христиан, которым сын позволил приехать в страну, — проворчала Мариам Макани.

— Они влияют на моего господина Акбара не больше, чем муллы, священники-буддисты, индуисты и джайнисты, — успокоила Ругайя Бегум свекровь и, взяв за руку, повела во дворец. — Прошу к столу, милостивая госпожа.

— Салим! — позвала Мариам Макани, и он поспешил подойти к ней. — У тебя все в порядке? У тебя, твоих жен и детей?

— Все хорошо, бабушка. Спасибо за заботу. Счастлив тебя видеть цветущей здоровьем. Ты до сих пор красива, как молодая женщина. — Салим поцеловал ее в щеку.

— Лыстец! — Она хмыкнула, но была довольна лестью. — Ты подкрепишься с нами?

— Госпожа Ругайя Бегум сообщила мне о твоём приезде.

Я ни за что бы не уехал отсюда, не повидавшись с тобой.

14 Буду рад сесть с тобой за стол, — отвечал ей Салим.

Они устроились у сверкающего пруда, протянувшегося почти во всю длину парадного зала. Свет проникал сюда сверху, просачиваясь сквозь решетчатый потолок из яшмы, устроенный под куполом, венчающим дворец. Большие фарфоровые вазы, украшенные голубым рисунком, выстроились вдоль стен уютного зала. Их наполнили длиннолиственными кардамонами с узорами бело-голубых и желто-зеленых цветов, желтыми, кремовыми и белыми трубочками имбирных лилий, заливавших воздух ароматами. Сверху свисал золотой канделябр, освещающий вечерами зал. Таким помещением было при Кандре, таким осталось и теперь. Ругайя Бегум лишь расставила у воды несколько кушеток и маленьких низких столиков из бронзы и черного дерева.

Слуги, незаметные в белых одеждах, неслышно ступая, вынесли блюда с ломтиками свежей дыни, грейпфрута, маленькими бананами и миниатюрным печеньем из толченого ореха, измельченного кокоса и меда. Белые с голубым фарфоровые чашки с ассамским чаем, в который для аромата добавили гвоздику, передали по кругу. На стол поставили блюдечки с фисташками и кедровыми орешками. Старший брат обнял Ясаман. Она хихикала от удовольствия, когда он кормил ее сладостями, а сам покусывал ее палец, если она давала ему кусочек фрукта или печенья.

— Приятно видеть любовь между старшим и младшей, — заметила бабушка с улыбкой.

— Он портит ее, — возразила Ругайя Бегум, — как и отец, когда приходит ее навестить.

— Когда моего сына больше не будет здесь, старший брат станет могущественным союзником и защитником Ясаман, — мудро ответила Мариам Макани невестке.

— К тому времени Ясаман будет давно замужем, — не согласилась Ругайя Бегум. — Муж ее защитит.

— Ее муж не будет Великим Моголом. А Салим будет, — колко сказала королева-мать.

— Бабушка, а почему не женятся брат и сестра? — спросила Ясаман, прислушиваясь к их разговору. — Я не могу вообразить себе лучшего мужа, чем брат Салим.

— Не следует смешивать кровь столь близких людей, — ответила пожилая женщина. — Любая вера считает омерзительным, когда брат и сестра знают друг друга как мужчина и женщина. Спроси своего священника. Это одна из немногих вещей, в которых мы с ними сходимся.

— А вот культура Древнего Египта, — вступил в разговор Салим, — требовала, чтобы правитель женился на сестре, чтобы их царскую кровь не запятнали чужаки. Только их дети могли наследовать египетский трон.

Ясаман невинно рассмеялась: